

Сергей Герасимов

Моментальное фото

*Часть сборника
День рождения монстра
(сборник)*

Сергей Владимирович Герасимов

Моментальное фото

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156389

Аннотация

«В день ее свадьбы погода была неустойчива.

Она спала нервно, пролупробуждаясь, и видела во сне звезды, вальсирующие под ногами, и кистеперые большие зеркала, и пламенного осьминога со стучащей коробкой яблочного сока в груди, и очень много черноты, которая светилась. Совсем проснулась около пяти; как мышка, осторожно высунула носик из одеяльной щелки – вот холодно, а мне хорошо и я сама хорошая просто до слез; и услышала звуки, редко шлепающие по железке за окном. Открыла форточку и в комнату влетели свежие утренние шепоты...»

Сергей Герасимов

Моментальное фото

В день ее свадьбы погода была неустойчива.

Она спала нервно, пролупробуждаясь, и видела во сне звезды, вальсирующие под ногами, и кистеперые большие зеркала, и пламенного осьминога со стучащей коробкой яблочного сока в груди, и очень много черноты, которая светилась. Совсем проснулась около пяти; как мышка, осторожно высунула носик из одеяльной щелки – вот холодно, а мне хорошо и я сама хорошая просто до слез; и слышала звуки, редко шлепающие по железке за окном. Открыла форточку и в комнату влетели свежие утренние шепоты. Тучи порхали так стремительно, что хотелось увернуться, волочили мокрые хвосты, вытряхивали парные перины, чесали животики о торчащие предметы местности; тучи шли так низко, что труба напротив была видна лишь ниже пояса снизу, но и дело приподнимала пушистое свое платье, показывая ножку, а мускулистый тополь с короткими ветвями косился в ее сторону, покачивая куцей верхушкой; асфальт глядел на это безобразие любопытными просыхающими лужицами. «Тук-тук», – сказала уже сухая железка и поймала две мокрых звездочки, похожих на генеральские. Как хорошо быть генералом, а замужем тоже хорошо.

В течение дня дождь начинался трижды или четырежды,

но лишь под вечер решился и ударил удаю и лихо, с размахом, бросаясь рыболовными сетями, пупыря воздух и пуская наискосок медленных и высокорослых водяных призраков. Каждый раз, когда тучи открывали синие чистые провалы, отороченные слепящей белизной, в них нахально врывалась дневная луна с подпалинами, прекрасно видимая четвертушка, контрабандой проникшая в день.

В конце концов она решила, что так не бывает, и перестала смотреть на луну.

Все-таки это был день ее свадьбы. Ей повезло – она вышла замуж по любви.

Особенно запомнилось ей венчание в темной церкви: в церкви она была впервые и удивилась, что изнутри зал больше, чем снаружи; что среди свечей и ликов летает негаснущее эхо; и вечное око будто бы глядит на тебя, как бы ты не повернулась и у какой бы стенки не стала; что лампа висит на цепи; что есть целых три выхода, хотя достаточно и одного; и с острой болью пожалела черную молодую монашку с мертвыми глазами, глазами, как у вареной рыбы – пожалела как раз за ее мертвые глаза в день своей свадьбы – потом их подвели к странно одетому человечку (пальцы Стаса были теплыми), который стал серьезно говорить чепуху, но улыбался по-доброму; а она слышала, как спорят видеомальчишки из ритуального бюро – спорят о том, есть ли в церкви электророзетка или нет ее – эхо разносило их спор по гулкой выпуклой тьме и вечное око насмешливо шурилось над все-

ми и всем. Камеру так и не включили, а жаль, венчалась она лишь красоты ради.

Потом поехали за город, в Рыково, где обитал отец; в большом дворе поместилось человек сорок гостей, по списку двадцать шесть, остальные приبلудные; все пили отчаянно, а приبلудные к тому же издавали конские звуки и запахи; нужно было держать в руках поднос и не чувствовать себя душой; кланяться с грацией Василисы Прекрасной, а своего дурачка держать к себе поближе, помогать матери, ловить взгляды подруг и угадывать то, что за взглядами; туфельки натер ногу до волдырей, на мизинце и под косточкой; а старые лужи под забором совсем черны от прелых листьев; знакомая собака по кличке Гавганистан отказывалась от вкусненьких котлеток из вымоченной солонины и с дикой тоской глядела на безобразие, и совсем не лаяла. Гавганистан обычно срывался с цепи, когда видел постороннего, никакая цепь зверюгу не держала, а тут совсем расквасился. Гости пьянели и пели песни, зыбыв, что песен не знают, а петь не умеют. Песни были народными и грустными – чтоб тяжелее стало на душе, чтоб поплакаться, чтоб потом, придя домой, взглянуть в зеркало, на жену, на детей и слегка одуреть от горя, потому что жизнь прошла. То, что жизнь прошла, это и так ясно, но данная мысль требует соответствующей эмоции – оттого и пели песни. Она посмотрела в рот ближнего певца и увидела язык, похожий на маленькую подушку; певец вспомнил, что образование имеет высшее техническое

и петь перестал. Потом попала под дождь – столы были под тентами, но все равно пришлось идти переодеваться.

Переодевалась в закутке, знакомом с детства, а местный мальчик подглядывал сквозь щель в портьерах – она включила вторую лампу – чтобы лучше было видно местному мальчику: и вообще она никого не стеснялась и чувствовала себя под наркозом. Нашла в углу свою детскую куклу, всплакнула и покрасила кукле пятку авторучкой – и кукла тоже запомнила этот день.

Гуляли до двенадцати, тупо хотелось спать и губам опротивели поцелуи, а в спину вбили кол, на голову надели железный обруч и били по нему молотком, противная очередь пьяных подгоняла одноместный туалет, который так спешил, что не успевал накидывать крючок; пропустили без очереди, учтиво; уже подрались женщины – совсем не знаю кто они; уже поймали на огороде постороннего – обрывал абрикосы, побили и дали выпить – лицо смутно знакомо; на пэршу ночку вам сына та дочку – кричали и она улыбалась и благодарила за пожелание, и щеки устали от улыбок. Потом все-таки включили камеру и стали снимать; когда снимали сзади, она стала чуть-чуть гладить руку жениха, теперь мужа – чтобы увидеть это движение на кассете лет через двадцать и всплакнуть о былых годах и былой любви.

Рука мужа откликнулась – Стас всегда таял от ласки – не трудно будет держать такого на поводке. Тихий противный дождь шуршал по клеенке – хотелось обижаться, кусаться,

орать, топтать, рвать или веселиться, на худой конец; сил хватало лишь на обиду. Мать ушла на веранду и тихо плакала там, как по покойнику.

– Ну вот и все, – сказал Стас, когда все закончилось, – ты чего надутая?

– Так.

Он сел на голый стул у стены и остался так сидеть. Делай же что-нибудь Иванушка, мужчина на то и нужен, чтобы что-то делать.

Она посмотрела на голый пол у дорожки и увидела трещину, щель между досками, в два пальца примерно шириной – щель шла через всю комнату, от стены к стене. Ну вот – первая трещина между нами, а мы сидим по разные стороны от нее, и никто не хочет ее переступить, – подумала она и скрестила пальчики, чтобы не сбылось.

– Смотри. Вот и первая трещина между нами.

– Ага. Поживем – починим.

– А если там мыши?

– Конечно, там мыши, – подтвердил Стас дистиллированным голосом.

Она принесла подаренную коробочку с нарисованной на ней роскошной женщиной, небывалой женщиной, плодом воображения рекламного шизофреника:

– Смотри, какие у нее губы. Правда похожи на мои? Нет, ты на губы смотри!

– У нее толще.

– Тебе не нравятся мои губы?

– Не выдумывай.

– Я сегодня заходила сюда и никакой щели не было.

– Ты не заметила.

– Я включила две лампы. Я бы заметила.

– Зачем тебе было две лампы?

– Чтоб из окон меня было видно.

– Ну да, ну да, – не поверил Стас.

– Скажи, у нас правда будет все хорошо? – спросила она, – пообещай, что все будет хорошо. И я не хочу никогда-никогда с тобой ссориться. Пообещай, что ты как-нибудь залепишь эту трещину.

* * *

Она вышла в чулан и поискала фонарик; она обязательно хотела заглянуть в щель – не потому, что боялась мышей, а просто потому что. В чулане была лишь крупа, мука, и запах чистого дерева; были еще большие гвозди на подоконнике, гвозди с надетыми шляпками; а за окошком снова висела луна, низкая и коричневая.

Луне было наплевать, играют свадьбу тут или не играют свадьбу, и когда все мы выйдем она с тем же самодовольным равнодушием станет смотреть на черноснежные холмы, смерчи и равнины вечной ядерной зимы. Фу, какой ужас представится.

Фонарика не оказалось и на веранде; она вышла поискать во двор – столы стояли осиротело, Гавганистан лег так, как будто умер и даже запылится. «Гавчик!» – позвала она, но Гавчик не откликнулся, не простив надругательства. На столах было полно вкусных черешен с темно-красным липким блеском, но только не хотелось подходить.

Она вернулась без фонарика в свою, теперь в нашу, комнату. Стас все сидел на стуле как пришитый. Она убила его за это, убила в сослагательном наклонении, потом закрыла дверь, задернула шторы и стала раздеваться. Убитый пошевелился и обратил внимание. Его взгляд был теплым и, как ни странно, она до сих пор стеснялась этого взгляда. Просто я по-настоящему люблю его, а это все осложняет.

– Ты так и будешь сидеть? – спросила она и откинула одеяло. В такой перине можно утонуть. Я любила зарываться в такую в детстве. Или в эту же самую. Я всегда прыгала в нее и пряталась, когда по улице шли цыгане. Цыгане воруют хороших маленьких девочек.

– Нет.

– По тебе незаметно. Принеси мне черешен, ты все равно зря сидишь.

Стас отпоролся от стула, принес черешен в тазике и она стала есть их, не вставая с кровати – сначала так, а потом отвернувшись; переела сегодня, тяжело лежать на левом боку; потом снова увидела звезды под ногами и кистеперые зеркала и пламенного осьминога с яблоком в груди – ей показало

лось, что настало вчера, но на самом деле уже было завтра и утренняя серость пробивалась между гардинами и утренняя совесть начинала скрестись в душе, и Стас сопел рядом, отвернувшись, и снова хотелось черешен; за стенкой густо храпели, а молодой каштан тихонько скребся в стекло. Пилинь-пилинь-пилинь, – повторяла пташка с таким усердием, будто пилила дрова.

Она заснула снова и увидела во сне щель, трещину, но во сне трещина шла не по полу, а по мягкому светящемуся воздуху, связывавшему ее с ним. Она по-настоящему испугалась во сне, потому что щель расширялась. Она стала звать его, но из щели повалил пар, засверкали электрические разряды; она начала кричать и увидела сквозь клубы, как он отворачивается и уходит замедленной походкой и машет ей кепкой, не оборачиваясь.

* * *

Утром Стас был обижен; она попробовала приласкаться, но с первого раза не получилось, тогда она тоже обиделась, встала и подняла мужа. Сейчас встречу кого-нибудь и он скажет: «что-то рано поднялись, голубки».

– Что-то рано поднялись, голубки, – сказала мать.

Мать с отцом собирались жить здесь, в Рыково, еще недели две. Конечно, это не называется медовым месяцем – среди такой толпы.

– В спальне щель на полу, видела? – спросила она.

Мать сходила и посмотрела на щель.

– Дом старый.

– Дом старый.

– Уже трескается не в первый раз, – сказала мать. – Когда я выходила замуж, была точно такая же щель, но в другой комнате.

– А потом? – она вспомнила утренний сон и звонкая пружинка взвелась у виска.

– А потом как-то починили.

– Заставлю своего починить.

– Заставь, заставь, посмотрим, – обрадовалась мать за всю женскую половину человечества.

Под домом был подпол и Стас слазил туда, вымазавшись в мелу и в курином помете. Рассказал, что щель уже пошла через всю заднюю стену. Сходили к задней стене, нашли щель за лопухами и до самого обеда Стас замазывал ее цементом.

Работать ему нравилось и после обеда он снова полез в подпол. Он даже слепил из цемента никому ненужный водосток и отпечатал на нем свою ладонь – для вечной памяти. Лопухи были в росе, свежи и огромны, похожи на древнетропический лес.

С изнанки на них сидели сырые улитки величиной со спичечный коробок каждая.

Отец сидел на бревнышке и гладил Гавчика. Гавчик заглядывал в глаза, не поднимая головы с человеческих коленей.

Гавчик умел быть нежным.

– Может, ты и на меня обратишь внимание? – спросила она мужа.

– Как ты обращала на меня внимание вчера, так я обращаю на тебя внимание сегодня, – сказал он.

Она приказала бросить работу, но Стас сказал, что никто не будет ему приказывать; что она сама не знает, чего хочет; и вообще, он старается для семьи. Она согласилась. После того, как уедет отец, дом станет их, и только их: две комнаты больших и две маленьких, веранда и чулан, удобства во дворе, река внизу, за огородом; год назад посадили орех и орех принялся; в конце огорода есть овраг с крыжовником и кленами, в котором все лето в траве шампиньоны, а всю осень – синюшки в листьях. В реке щуки, которых ловят сетью столько, что можно засушить на всю зиму. За рекой лес – такой глухой, что никто толком и не знает куда он тянется. До города семь километров, ходит городской автобус, номер сто пятьдесят четвертый. Совсем неплохо для начала жизни.

На следующий день появились две женщины с портфелем и сумкой. В сумке лежал большой катушечный магнитофон, видимо, очень тяжелый. Старшая женщина была похожа лицом на перезрелую клубнику а телом на яблочный недогрызок; младшая глядела, как испуганная курица. Когда младшая садилась, были видны трусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.